

ПРЕСУППОЗИЦИЯ, ИМПЛИКАЦИЯ, ИМПЛИКАТУРА, ЭКСПЛИКАТУРА: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОВ

Статтю присвячено аналізу лінгвістичної природи і розмежуванню термінів пресуппозиція, імплікація, імплікатура, експлікатура. Описується неоднакова роль позначених цими термінами значень у забезпеченні прагматичної зв'язності тексту.

Ключові слова: пресуппозиція, імплікація, імплікатура, експлікатура, прагматичний.

Статья посвящена анализу лингвистической природы и разграничению терминов пресуппозиция, импликация, импликатура, экспликатура. Описывается неодинаковая роль обозначенных этими терминами значений в обеспечении прагматической связности текста.

Ключевые слова: пресуппозиция, импликация, импликатура, экспликатура, прагматический.

The article deals with the analysis of the linguistic nature of the terms presupposition, implication, implicature, explicature while differentiating these notions. The different role of the meanings denoted by these terms as means of the pragmatic coherence of the text is described.

Key words: presupposition, implication, implicature, explicature, pragmatic.

Актуальность темы статьи определяется интересом современных лингвистов к прагматическим аспектам общения [1-6], к выявлению особенностей согласования смыслов говорящего и слушающего и производства ими совместного «значения в интеракции», что обуславливает широкое применение лингвистических терминов, позволяющих объяснить процесс извлечения прагматических смыслов, восстановления стратегий коммуникативного поведения участников. Одними из наиболее частотными, в этой связи, являются термины пресуппозиция, импликация, импликатура, экспликатура, инференция, которые вследствие пересечения и наложения своего понятийного объема нередко используются как синонимичные.

Соответственно, целью статьи является определение общего и различного в «смежных» терминологических понятиях, обоснование причин терминологической синонимии.

Возможность интерпретации и использования указанных терминов как членов одного синонимического ряда обусловлена тем, что все они обозначают неявную, «имплицитную» составляющую смысла высказывания (текста), распознавание которой возможно благодаря общности «когнитивного контекста» в виде «разделяемого знания» коммуникантов.

В этом смысле мы не можем не согласиться с мнением Н. Фейрклау, что, в отличие от интертекстуальности, которая «открыта» различиям и акцентирует диалогичность, так как вносит в текст «другие голоса», различные типы имплицитного значения (обобщен-

ные ученым в понятии *assumptions*) ограничивают различия и ослабляют диалогичность, подразумевая «общность взглядов» [3: 55].

Пресуппозиция и импликация. Значительное количество исследований посвящено определению и классификации пресуппозиции, понимаемой в широком смысле как фоновые знания коммуникантов и в узком — как такой смысловой компонент высказывания, истинность которого необходима, чтобы данное высказывание (а) не было семантически аномальным (семантическая пресуппозиция) и (б) было уместным в определенном контексте (прагматическая пресуппозиция). В аспекте нашей статьи представляет интерес выявление понятийной «смежности» пресуппозиций с другими видами имплицитного значения (прежде всего, с импликацией и импликатурой), что имеет своим следствием не всегда корректную терминологическую синонимию. Среди различных классификаций пресуппозиционного значения одной из типичных является, на наш взгляд, классификация, предложенная Н. Фэйрклау:

- а) экзистенциальные пресуппозиции (предположения о том, что нечто существует);
- б) пропозициональные пресуппозиции (предположения о том, что имеет место, может иметь место и будет иметь место);
- в) ценностные / оценочные пресуппозиции (предположения о том, что хорошо или желательно) [3: 55].

Так, в высказываниях «*But (globalization) is also a demanding process, and often a painful one*» и «*Social cohesion is threatened by a widespread sense of unease, inequality and polarization*» экзистенциальной пресуппозицией является то, что имеют место такие явления, как *globalization* и *social cohesion*, а также то, что, наряду с ними, имеет место *a widespread sense of unease, inequality and polarization*. Пропозициональной пресуппозицией служит смысл «глобализация — это процесс». Ценностные предположения индексируются глаголом *threatened*. Если некоторое X угрожает (является угрозой) Y, то X нежелательно, Y — желательно, то есть *social cohesion* предполагается как желательная, в то время как «*a widespread sense of unease, inequality and polarization*» — нежелательны [3: 55].

Можно сказать, что в терминах актуального членения экзистенциальные пресуппозиции соотносятся с темой высказывания, пропозициональные — с ремой. Помимо этого, второй член классификации (пропозициональные пресуппозиции) служит, на наш взгляд, понятийным гиперонимом по отношению к различным видам семантических пресуппозиций: фактивным («Я сожалею, что причинил Вам такие неудобства»), пресуппозиция — «он причинил неудобства»), контрафактивным («если бы я мог, я бы вам помог»), пресуппозиция «не могу помочь»); не фактивным («она изо всех сил пытается казаться красивой»), пресуппозиция — «она не красива»).

С другой стороны, пропозициональные и, особенно, оценочные пресуппозиции сложно отграничить от импликации, если принять за основу наиболее распространенное определение этого вида неявного смысла как «имплицитного значения», «которое может быть логически выведено на основе лингвистических характеристик» того или иного высказывания [3: 60; 6: 185–210]. В частности, фраза «*I have been married for twenty years*» имплицитно означает «Я все еще женат», на что указывает перфектное значение *have been*. С другой стороны, указанный пример, приведенный Н. Фэйрклау, может быть

проинтерпретирован и как пропозициональная пресуппозиция (предположение о том, что имеет место), и как экспликация (см. ниже).

Возможность разграничить пресуппозицию и импликацию видится нам следующим образом. Импликация всегда в той или иной мере индексирована к контексту (как к текстовому, так и к контексту ситуации общения). Пресуппозиция не зависит от контекста и является внетекстовой информацией; на когнитивной уровне они соответствуют универсальному компоненту в структуре языковой личности, общечеловеческим представлениям о мире, о структуре вещей и их взаимосвязях. Так, пресуппозиция о том, что «существует такое явление, как глобализация», действительно является частью энциклопедических или обыденных знаний в универсальном фрагменте картины мира коммуникантов. В то же время информация о том, что «глобализация – это процесс» может считаться пресуппозиционной в том случае, если соответствует универсальным и конвенциональным знаниям / представлениям о глобализации как о процессе (например, в отглагольных существительных: взросление, старение, увядание, страдание – значение процессуальности входит в внутреннюю форму слов и индексируется грамматически). В противном случае, приписывание глобализации процессуальных характеристик является некоей новой информацией, предметом обсуждения в конкретном тексте и не может рассматриваться как пресуппозиция.

Таким образом, разграничение пресуппозиции и импликации заключается в том, что, в отличие от пресуппозиции, импликация всегда индексирована к коммуникативному контексту, имеет проспективную направленность, обуславливает смысловую связность текста в диаде «интенция – интерпретанта», то есть на мотивационно-прагматическом уровне, в аспекте реализации интенций и целей коммуникантов. Пресуппозиция индексирована к когнитивному контексту, предшествующим знаниям коммуникантов, то есть имеет ретроспективную направленность и обуславливает смысловую связность текста на этапе его декодирования – на формально-семиотическом уровне. Импликация выводится на основе пресуппозиций, пресуппозиция же может формироваться на базе импликаций только в границах текста или кореферентной совокупности текстов при многократной, намеренной (стратегически обусловленной) актуализации (посредством имплицирования) одной из характеристик объекта, субъекта, понятия, ситуации. Однако в этом случае имплицирование является только одним из многочисленных способов образования пресуппозиций как устойчивых ассоциаций со специфическими событиями (объектами и т.д.), которые могут метонимически вызываться в памяти в ходе коммуникативной практики, определяя фреймы, в рамках которых интерпретируются части сообщения.

Так, если вернуться к примеру «глобализация – это процесс», то пресуппозиционными будут знания о том, что в мире имеет место такое явление, как глобализация, знания и представления об этом явлении (фрейм концепта «глобализация»), а также знания о том, что такое «процесс» (протяженность во времени, протекание, развитие, смена состояний в развитии и т.д.), структурирующие фрейм одноименного концепта. Указанные пресуппозиции будут когнитивной основой для импликаций, выявляющих намерение автора и задающих направление дальнейшего смыслообразования и интерпретации текста. Если глобализация является процессом и, соответственно, на нее переносятся характеристики процесса, то текстоориентированной импликацией будет следующая: «процесс глобализации может быть долгим, болезненным»; «надо быть готовым к проблемам»; «про-

блемы не должны вызывать недовольство, так как это один из «нормальных» этапов в развитии процесса» и т.д.

Кроме информации пресуппозиционного характера, импликация основывается, как было указано выше, на лингвистических характеристиках высказывания. Так, в приведенном примере основой для выведения импликаций являются, помимо пресуппозиций о свойствах «процесса», слова *demanding* и *painful*: *В условиях глобализации как процесса (пресуппозиции о свойствах процесса) от нас требуется ответственность и терпение (значения, выводимые из слов demanding и painful)*. На наш взгляд, определяющей базой для импликаций служат структуры или слова – носители скрытой предикативности, которые содержат дополнительную пропозицию, комментирующую эксплицитно выраженную информацию. Так, например, в высказывании «Государство N систематически нарушает Конвенции ООН» основой для импликации будет адвербиальный семантический признак, характеризующий действие с точки зрения его частоты (систематически), на основе которого выводятся импликации «Государство-правонарушитель будет нарушать международное право и в дальнейшем».

Импликация и импликатура. *Конвенциональные и неконвенциональные импликатуры*. Понятие импликации не всегда тождественно понятию импикатуры. Н. Фэйрклау определяет стандартную конвенциональную импликатуру как имплицитное значение, которое может быть конвенционально выведено на основе предположений о том, что люди придерживаются кооперативных максим. В частности, стандартной импикатурой из высказывания *‘Is there anything to see in Lancaster?’* будет смысл «он не много знает о Ланкастере», который выводится адресатом с учетом того, что говорящий соблюдает 2-ю максиму – качества информации (правдивости) [3: 60]. На наш взгляд, основное отличие конвенциональной импикатуры от импликации заключается в том, что первая, в отличие от второй, соотносится с целостной ситуацией, индексированной высказыванием, а вторая – с одним из признаков ситуации; импликатура основана на целостном фрейме, импликация – на одной из пропозиций фрейма. Импликация маркирована лингвистически – средствами, указывающими на дополнительные аспекты смысла, импликатура может не иметь специальных вербальных маркеров, не обязательно индексирована к контексту и корреспондирует внеконтекстуальному фрейму, который содержит общедоступное типичное знание об определенной ситуации и модели поведения в ней. Например, в высказывании «Он посещает клуб «Для тех, кому за 30» стандартной импикатурой будет информация «Он хочет познакомиться, найти себе подругу». Для сравнения, импликацией из этого высказывания будет семантический вывод о том, что «ему за 30». В примере «Государство N систематически нарушает Конвенции ООН» импикатурой будет информация «против государства-нарушителя могут быть приняты международные меры» (импликации – см. выше).

В отличие от конвенциональных импикатур, неконвенциональные импикатуры характеризуются «стратегическим отсутствием эксплицитности». Понятие неконвенциональной импикатуры сопоставимо с прагматическими или контекстуальными выводами. Разновидностью неконвенциональных (коммуникативных) импикатур являются имплицитные значения, выводимые в результате нарушения кооперативных максим Г. П. Грайса: когда максима явно нарушается, однако интерактанты продолжают соблюдать ее на имплицитном уровне общения [4: 41-58]. Например, высказывание «Я посещаю клуб

«Для тех, кому за 30», потому что люблю потанцевать» активирует неконвенциональную импликацию, так как нарушает максимум искренности (правдивости) информации. Слова говорящего противоречат знаниям о том, с какой целью посещаются такие клубы, что позволяет заподозрить его в неискренности и имплицитно означает, что «Он скрывает истинную причину, он испытывает неловкость по поводу того, что вынужден знакомиться подобным образом и т.д.»

Тойн ван Дейк, изучая неконвенциональную импликацию в идеологическом дискурсе, приравнивает ее к подтексту (Ср.: «Имплицитные в большей мере сопоставимы с запланированным адресатом подтекстом» [6: 185-210]). Исследование импликаций позволяет *объяснить*, что говорят участники политического дискурса и почему они это говорят. Следовательно, политические импликации так или иначе связаны с *функциями текста / речи* в политическом процессе, всегда выводимы из общих знаний о политике и контекстуального понимания текущей политической ситуации. Исходя из особенностей политического дискурса (с общей семантической стратегией поляризации внутренней и внешней группы) и роли в нем политических импликаций, можно предположить, что исходная импликация так или иначе связана с положительной саморепрезентацией говорящего, его партии, социальной группы и негативной интерпретацией его противников. Такая импликация становится, в свою очередь, основой для выводной из нее импликации, функционально ориентированной на оправдание в глазах обобщенного адресата-аудитории действий политика и представляемой им группы (правительства, партии и т.д.).

Имплицитные и эксплицитные. Понятие импликации не тождественно понятию экспликации. В частности, в соответствии с теорией релевантности Д. Уилсон и Д. Спербер [5], экспликация определяется как заполнение отсутствующих слов, детальная разработка или расширение пропозициональной формы, что осуществляется как стадия, предшествующая выявлению импликации. Например, высказывание «Не сиди на скале. Она может обвалиться» содержит экспликацию «Она обвалится под твоей тяжестью» и импликацию «Ты можешь пораниться / разбиться». Другими словами, понятие экспликации вытекает из параметра «усилий по обработке». Говорящий, стремящийся к высокой степени эксплицитности, неизбежно произведет «оптимально релевантное высказывание» (*optimally relevant utterance*), так как в этом случае слушателю придется затратить процессуальное усилие, которое не влечет за собой когнитивный эффект. Другими словами, говорящему нет необходимости кодировать концепты, которые и так доступны слушающему. Несколько упрощая, можно сказать, что различие между экспликацией и импликацией – это различие между семантикой и прагматикой. В отличие от экспликации, импликация всегда сообщает пропозицию, которая структурирует концепт, полученный в результате сужения или расширения концепта, закодированного лингвистической формой.

На наш взгляд, понятия экспликация, импликация и импликация можно разграничить (очень условно) с учетом несовпадающих фаз интерпретации высказывания как интерактивного феномена. Понимание как диалоговый / интерактивный процесс включает такие стадии: 1) конструирование гипотезы об эксплицитном содержании (*экспликация*); 2) конструирование гипотезы об *имплицитных послылках*; 3) конструирование гипотезы об *имплицитных выводах*.

Первый этап условно можно соотнести с экспликатурой, второй – с импликацией и третий – с имплицатурой.

Так, в примере

А. – Мы пойдем сегодня гулять?

Б. – А ты сделала уроки?

учитывая эксплицитную посылку – экспликатуру (уроки нужно сделать) и имплицитную посылку – импликацию (если уроки не сделаны – не пойдем), собеседник А приходит к имплицитному выводу – имплицатуре (гулять не пойдем), основанной на стандартном фрейме соответствующей ситуации («Делу время потехе час»; вначале – работа (уроки), потом – отдых).

Таким образом, presupпозиция является условием семантического и прагматического декодирования высказывания (текста), экспликатура – следствием заполнения отсутствующих слов, детальной разработкой пропозициональной формы, импликатура – введением дополнительной пропозиции, нередко маркированной структурой или словом со свернутой предикацией; понятие конвенциональной имплицатуры сближается с понятием фрейма как структуры фоновых знаний коммуникантов об объектах, ситуациях, субъектах и др., а также о правилах кооперативного поведения субъектов в стандартных ситуациях. Неконвенциональная имплицатура сопоставима с прагматическими или контекстуальными выводами, локальным подтекстом. Разновидностью неконвенциональных имплицатур являются имплицитные значения, выводимые в результате нарушения кооперативных максим.

Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение роли неявных смыслов в конструировании когнитивной составляющей дискурса, выявлении ситуационной модели автора / говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Практическое пособие. – Луцьк: Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
2. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
3. Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. – New York: Routledge, 2003. – 270 p.
4. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41—58.
5. Sperber D. Relevance Theory / Dan Sperber, Wilson Deirde. – London: Wiley-Blackwell, 1995. – 326 p.
6. Van Dijk T.A. War Rhetoric of a Little Ally: Political Implicatures of Aznar's Legitimization of the War in Iraq / in T.A. van Dijk: Discourse and power. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. – P. 185-210.